
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

CURRENT ISSUES OF CRIME COUNTERACTION

УДК 343.97

DOI 10.17150/2500-4255.2016.10(4).671-681

КРИМИНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА КАК ДЕТЕРМИНАНТ ПРЕСТУПНОСТИ

А.А. Иванова

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация*

Информация о статье

Дата поступления
18 июля 2016 г.

Дата принятия в печать
10 ноября 2016 г.

Дата онлайн-размещения
29 декабря 2016 г.

Ключевые слова

Криминальная культура;
самодетерминация
преступности; функциональность
криминальной культуры; причины
криминализации культуры;
противодействие криминальной
культуре; способы и средства
воздействия

Аннотация. Рассматривается один из важнейших компонентов системы криминологической детерминации — криминальная культура. Данный компонент представлен в виде многоцелевого механизма, функционирующего как во внутренней подсистеме преступности (самодетерминации, или причинности), так и во внешней (детерминации, или обусловленности).

Акцентируется внимание на этих двух функциях криминальной культуры. Так, одна из них обеспечивает жизнедеятельность преступности как социально-юридического явления, или самодетерминацию, в которой реализуется энергия самоутверждения и психологической защиты. При этом самоутверждение инициирует эффект расширения, что определяет экспансивную функцию криминальной культуры. Активность данной функции тесно взаимосвязана с внешними условиями преступности. Эта взаимосвязь выступает качественной основополагающей составляющей другой функции, призванной оптимизировать внешние связи преступности. Данный эффект особенно заметно проявляется в пенитенциарных условиях, где и происходит соответствующее перерождение криминальной культуры в тюремную субкультуру, обладающую наивысшей степенью репродуктивности криминала.

Криминальная культура рассматривается как сложнейший системообразующий фактор преступности и объект соответствующего, системного правоохранительного противодействия. Это означает, что обеспечение результативного противодействия криминальной культуре возможно исключительно на основе системного подхода. Более того, антикриминальный потенциал системы противодействия должен превосходить криминальный потенциал, которым заряжена преступность. Анализируются внешне малозаметные, но крайне разрушительные, глубинные деструктивные воздействия криминальной культуры на нравственно-правовое сознание людей, и особенно на формирование личности преступника. В статье рассматриваются наиболее важные элементы криминальной культуры в механизме криминализации личности. Используются теоретические разработки известного российского криминолога профессора О.В. Старкова, касающиеся механизма, связывающего предкриминальное и криминальное поведение.

Выводы теоретического анализа проблемы обосновываются эмпирической базой, в значительной мере представленной материалами прикладного криминологического исследования, проведенного автором. Предлагаются меры противодействия криминальной культуре в развитие существующих в криминологической литературе идей в отношении ее нейтрализации. Делается предположение о научном изучении механизмов воздействия криминальной культуры на правосознание и правовую культуру, в частности имеются в виду методы и средства, задействованные в этих механизмах. Их классификация составлена автором.

CRIMINAL CULTURE AS A DETERMINANT OF CRIME

Anna A. Ivanova

National Research University «Higher School of Economics», Nizhniy Novgorod, the Russian Federation

Article info

Received
2016 July 18

Accepted
2016 November 10

Abstract. The author examines one of the key components of the criminal determination system — that of criminal culture. This component is presented as a multipurpose mechanism which functions both in the internal subsystem of criminality (self-determination, or causality) and the external one (determination, or conditionality).

The author focuses on these two functions of criminal culture. Thus, one of them supports the existence of crime as a social and legal phenomenon, or self-determination,

Available online
2016 December 29

Keywords

Criminal culture; self-determination of crime; functionality of criminal culture; reasons for the criminalization of culture; counteracting criminal culture; ways and means of influence

in which the energy of self-assertion and psychological protection is used. Self-assertion initiates the expansion effect that determines the expansion function of criminal culture. The function's activity is closely connected with external conditions of criminality. This interconnection acts as a basis for the other function aimed at optimizing the external connections of criminality. The effect is especially evident in penitentiary conditions where criminal culture is transformed into prison subculture characterized by the highest degree of criminality's reproduction.

Criminal culture is viewed as a highly complex systemic factor of crime and an object of the corresponding system of law enforcement counteraction. This means that effective counteraction to criminal culture is only possible on the basis of a systemic approach. Moreover, the anti-criminal potential of the counteraction system should exceed the criminal potential with which criminality is charged.

The author analyses the influence of criminal culture that is hardly noticeable at first glance but has a deeply destructive effect on the moral and legal conscience of people and, especially, on the formation of a criminal personality. The paper examines the most important elements of criminal culture in the mechanism of personality criminalization. The author uses the theoretical research of a well known Russian criminologist Professor O.V. Starkov on the mechanism linking pre-criminal and criminal behavior.

The conclusions of the theoretical analysis of this issue are supported by an empirical basis, mainly represented by the materials of applied criminological research carried out by the author. The author presents measures of counteracting criminal culture as an extension of the ideas on its neutralization found in criminological publications. The author also proposes scientific analysis of the mechanisms of criminal culture's influence on legal conscience and legal culture, and the methods and means involved in these mechanisms in particular. They are classified by the author.

Состояние культуры российского общества вызывает обоснованную тревогу. Отмечаются деформация и даже утрата традиционных культурных ценностей, высокий уровень протестного настроения, правовой нигилизм, виктимизация населения.

Субъектами существования и развития криминальной культуры в основном являются лица, отбывающие наказание в местах лишения свободы. Несмотря на то что в России осуществляется гуманизация уголовного наказания и численность заключенных постепенно снижается, по состоянию на 1 января 2015 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 671,7 тыс. чел.¹ Но фактически нарушителей уголовного закона, а стало быть, и носителей (источников) криминальной культуры насчитывается неизмеримо больше: ученые-криминологи оценивают количество незарегистрированных преступлений в нашей стране в 23 млн [1].

К анализу причин распространения (более того, доминирования) в России криминальной культуры обращались многие ученые, такие как А.Н. Олейник [2], О.В. Старков [3], Р.А. Ханипов [4] и др.

Стало обыденным применение элементов преступной культуры в повседневной жизни, во всех сферах социального общения — в разго-

ворной речи, средствах массовой информации, в речи многих политиков, чиновников. Складывается впечатление, что блат, или условный язык, используется не походя, а осмысленно — для установления, выражения и развития особых, «блатных» отношений, что в современных условиях, когда в обществе, государстве довлеет коррупционный менталитет, весьма характерно. Неудивительно, что с ослаблением культурно-воспитательной работы, прежде всего с детьми и молодежью, указанный источник криминального заражения порождает извращенность культуры отдыха и развлечений, особенно в подверженной его влиянию среде незрелых в нравственном и правовом отношении.

Во всем этом усматривается *общая деформирующая или разрушающая функция* криминальной культуры, не только поддерживающей, но и повышающей криминалосодержащий потенциал социокультуры. Однако главным образом такой потенциал реализуется в «родовом гнездилище» криминальной культуры — преступности, где она выполняет, можно сказать, созидательную функцию, или функцию *самодетерминации*. Криминальная культура, точнее, субкультура, способствует выживанию, сплочению представителей преступной среды, повышению их активности, мобильности. Именно криминальная субкультура служит благодатной почвой для преемственности поколений преступников, особенно в их профессиональной среде.

¹ Количество заключенных в России на 2015 год.
URL : <http://statistic.su/kolichestvo-zaklyuchennyh-v-rossii-na-2015-god>.

Самодетерминация криминальной культуры реализуется через подфункцию *интеграции*, которая служит основой своеобразного функционального механизма самоутверждения и психологической защиты. Общество защищает себя от преступников, изолируя их. Для того чтобы чувствовать себя комфортно, восстановить ценность своей личности, не ощущать себя отторгнутым или изгоем, лица криминальной направленности объединяются в сообщества подобных себе, вырабатывают свою идеологию, противопоставляя себя законопослушному обществу [3, с. 21].

Т. Селлин анализировал конфликт культур разных сообществ как криминогенный фактор в 1938 г. [5]. Позднее, в 1955 г., А. Коэном разработана концепция субкультур [6].

Криминологи провели исследование субкультуры заключенных методом включенного наблюдения за их общением в условиях вынужденного совместного проживания в ограниченном пространстве. Они пришли к выводу об отрицательном воздействии тюремной субкультуры на исправление заключенных [7].

Очевидно, что можно отметить и экспансивную подфункцию криминальной культуры: будучи сформирована в учреждениях системы исполнения наказаний, она стремится к расширению своих границ, т.е. выйти за рамки пенитенциарной системы.

Таким образом, криминальная культура выступает системообразующим фактором преступности. И важно знать, в чем именно выражается это свойство криминальной культуры в воздействии прежде всего на молодежь, из которой рекрутируется пополнение в преступную среду. Например, данные проведенного весной 2016 г. исследования (в ходе которого было опрошено 300 студентов старших курсов вузов Нижнего Новгорода, будущих юристов) в основном подтверждают наше предположение о функциональности криминальной культуры, особенно в преступной среде. Оказалось, что криминальная субкультура играет значительную роль в установлении, поддержании и укреплении межличностных и групповых отношений в криминогенной среде. На эту ее коммуникативную функцию указали 61,3 % респондентов. Почти пятая часть опрошенных (19 %) выделяют мобилизующую, спланированную функцию криминальной культуры в криминогенных, преступных группах. На вопрос о том, насколько язык криминальной культуры используется в целях конспирации, по-

ложительные ответы дали всего 6,5 % респондентов. То есть конспиративная функция криминальной культуры имеет не столь активное проявление, как предполагалось. Казалось бы, использование преступного жаргона позволяет блокировать понимание своей речи посторонними, тем самым сохраняя тайну определенных отношений, действий, однако это недостаточно надежное средство защиты.

Широкое применение тюремного жаргона лежит в основе криминальной культуры, носителями которой являются прежде всего субъекты преступной среды, а также, хотя и менее активно, правопослушные граждане и молодые люди, особенно подростки.

В ходе нашего исследования респондентам был задан такой вопрос: «Как Вы думаете, что движет далекими от преступной среды людьми, употребляющими в обиходной речи воровской жаргон?» Ответы распределились следующим образом: желание щегольнуть своей осведомленностью — 36 %; придать речи яркость, образность мысли — 32 %; элементарная привычка выражаться «как все» — 20 %; в силу общепринятой привычки так выражаться — 12 %.

Очевидно, криминальный язык ныне настолько распространен, что во многом стал понятен и для массы непосвященных. Кстати, на факт значительного его распространения указали респонденты, отметив, что щеголять воровским жаргоном сегодня многим доставляет удовольствие (13,2 %).

Полученные результаты сходны с выводами Н.И. Минкиной: криминальная культура претендует на лидирующее положение в российском обществе [8], утверждая чуждые культуре социума ценности и нормы. Причем указанный процесс протекает на фоне нейтрального отношения общества к происходящему.

В научной литературе под криминальной субкультурой понимают совокупность ценностей, обычаев, традиций, норм и правил поведения, направленных на организацию жизнедеятельности, целью которой является совершение преступлений, их сокрытие и уклонение от ответственности [9, с. 17]. Правовед В.В. Тулегенов отмечает, что криминальная субкультура видоизменяется, приобретает новые формы, вследствие чего между последними возникает своеобразная конкуренция [10]. Предлагается внутри криминальной субкультуры выделять три разновидности: 1) субкультура профессиональных преступников; 2) субкультура преступников, входящих в органи-

зованные преступные формирования; 3) субкультура наркоманов. В качестве критерия разграничения предстает образ жизнедеятельности лица и характер преступлений.

В местах лишения свободы эти три разновидности криминальной субкультуры, сливаясь с некриминальными нормами и правилами поведения, образуют тюремную (пенитенциарную) субкультуру.

В теории криминологии и уголовно-исполнительного права отсутствует единый взгляд на тюремную субкультуру. Одни ученые полагают, что это неформальная жизнь преступников, оказавшихся в местах лишения свободы [11, с. 9]. Другие считают тюремную субкультуру разновидностью криминальной [12]. Третьи идентифицируют тюремную субкультуру как самостоятельную культуру определенной социальной микросреды [13, с. 12]. Автор разделяет мнение В.В. Тулегенова, который считает тюремную субкультуру особым видом криминальной субкультуры.

По мнению В.В. Тулегенова, в формировании тюремной субкультуры играют роль внутренние и внешние факторы [10]. К внутренним факторам относят те процессы, которые происходят в среде осужденных. Если считать, что субкультура — это система ценностей, установок, способов поведения и жизненных стилей определенной социальной группы, то их содержание зависит от социальной группы. Поскольку в местах лишения свободы принудительно содержатся лица из разных социальных групп, представляющие криминальные и некриминальные субкультуры, тюремная субкультура складывается из различных субкультур.

Ценности субкультур могут не совпадать, а иногда и прямо противоречить друг другу. В.В. Тулегенов условно выделяет две стадии в генезисе тюремной субкультуры. На первой из них субкультуры сосуществуют в состоянии конфликта, поэтому данная стадия условно называется стадией «конфликтной» субкультуры, которая завершается окончанием конфликта. На второй стадии микросреда осужденных принимает ценности доминирующей социальной группы, или формируется «компромиссная субкультура», поэтому эта стадия условно называется стадией «стабильной» субкультуры.

«Стабильная» субкультура способна существовать до тех пор, пока отвечает интересам микросреды осужденных. Несоответствие таким интересам приведет к изменению ее содержания.

Внешним фактором можно назвать отношение к преступности со стороны государства, которое заключено в уголовно-исполнительной политике, реализуемой администрацией пенитенциарного учреждения. Уголовно-исполнительная политика и тюремная субкультура находятся в обратно пропорциональной зависимости. Чем более широкий круг отношений осужденных регулируется государством, тем ограниченной сфера тюремной субкультуры.

На примере тюремной субкультуры хорошо просматриваются закономерности обучения противоправному поведению в социальных группах. Данные закономерности были раскрыты американским социологом Э. Сазерлендом в его дифференциальной ассоциации, или теории субкультур, смысл которой заключается в утверждении: девиантному поведению учатся.

Пропаганда криминальной идеологии осуществляется незаметно и на первый взгляд ничем не отличается от обыкновенного распространения каких-либо повествований о преступлениях и совершивших их лицах. Для большинства российских граждан телевидение является основным источником получения информации и также основным видом свободного времяпрепровождения. Освещение механизма совершения преступления влияет на сознание зрителя. Почти на каждом канале ежедневно можно наблюдать телепередачи криминальной направленности. К примеру, подражание преступникам из кинофильмов (компьютерных игр) свидетельствует об использовании криминальной субкультуры в качестве образца, усваиваемого социального и культурного опыта [14, с. 181].

Правовед Д.Г. Донских отмечает, что наиболее эффективно криминальные обычаи и традиции пропагандируются представителями массовой культуры (вульгаризированной эстрады), исполнителями шансона, песен с жаргонными и нецензурными словами и т.д. [15].

Средства массовой информации, вольно или невольно популяризирующие криминальную культуру, оказывают тем самым разрушительное воздействие на духовную жизнь общества. Следует отметить, что в ситуации острой конкуренции российские СМИ в целях удержания и расширения аудитории достаточно часто прибегают к использованию методов и приемов, прямо противоречащих международным и отечественным рекомендациям. Многие из этих приемов сводятся к манипуляциям с традиционными духовными, социальными и правовыми

ценностями, привлечению внимания к человеческим слабостям, подробному описанию и восхвалению пороков, уничтожению нравственности. В конечном итоге СМИ способны оказывать достаточно выраженное криминогенное воздействие на массовое сознание и, как следствие, продуктивно влиять на преступность. Разумеется, здесь мы не видим злого умысла, однако находим не критичное отношение к выбору языковых средств, некое, кажущееся безобидным заигрывание с криминалом.

Правильно пишет профессор И.М. Мацкевич: «Никого не удивляет, что ведущие журналисты разговаривают со своими читателями на страницах газет и по телевидению на «полублатном» языке. Массовыми тиражами выходят книги, написанные на матерном языке. В игровых фильмах актеры позволяют себе нецензурно выражаться, чтобы приблизить экранную жизнь героев к реальной» [16, с. 15].

Феномен российской тюремной культуры является уникальным и тотальным. Преступники в местах лишения свободы образуют свою школу. Осужденные обмениваются преступным опытом, для некоторых из них отбывание наказания — своеобразные «курсы повышения квалификации».

Суд, решая вопрос о праве осужденного на условно-досрочное освобождение, принимает во внимание его психологическую характеристику, в которой, в частности, отмечается отношение осужденного к криминальной субкультуре. К примеру, в Апелляционном постановлении Пермского краевого суда от 10 февраля 2015 г. № 22-710 говорится, что суд первой инстанции отказал в удовлетворении ходатайства об условно-досрочном освобождении В., ссылаясь на его психологическую характеристику, «в соответствии с которой непомерно высокие требования со стороны администрации исправительного учреждения вызывают у осужденного сопротивление, желание сделать все наоборот, кроме того, с его стороны возможно *поддержание криминальной субкультуры*» (здесь и далее курсив наш. — А. И.)².

Другой пример. В Апелляционном постановлении Приморского краевого суда от 14 октября 2015 г. по делу № 22-6249/15 говорится, что судом «было принято решение не поддерживать ходатайство осужденного об условно-досрочном освобождении от отбывания на-

казания. Согласно аттестационному листу от 30.10.2014 года осужденный А.Д.Г. не принимает активного участия в спортивных и культурных мероприятиях, *не имеет очевидного желания порвать с уголовной субкультурой и криминальным сообществом*, у него отсутствует заглаживание вины перед потерпевшими и обществом от совершенного преступления»³.

Анализ материалов судебной практики показал, что при вынесении решения об удовлетворении или отказе в удовлетворении ходатайства осужденного об условно-досрочном освобождении суд учитывает различные обстоятельства, в том числе очевидное желание (стремление) осужденного порвать с уголовной субкультурой и криминальным обществом или, наоборот, отсутствие такового.

Выявлена следующая закономерность: преступность порождает криминальную субкультуру, которая, развиваясь и совершенствуясь, рекрутируя и вовлекая в свою орбиту новых сторонников, в свою очередь, способствует воспроизводству и росту преступности на новом этапе развития общества.

Наши респонденты указали на следующие наиболее очевидные для них причины доминирования криминальной культуры в современной России: влияние бывших заключенных (32,0 %), ретрансляция криминальных практик от старшего поколения к младшему (21,7 %), особенности системы заключения (18,8 %), выполнение определенных (регулятивной, охранительной, приспособленческой и др.) функций (10,1 %), сходность тюремного и российского общества (8,7 %), репрессивная система уголовного наказания (8,7 %).

Заключенные, перенявшие идеалы криминальной культуры, после освобождения ретранслируют их в обычную среду и культуру. Следовательно, российские «школы жизни» не исправляют осужденных, а погружают их в криминальную культуру, усиливают их криминальные установки, что после освобождения помимо ретрансляции криминальной культуры в обычную среду нередко способствует повторному совершению ими преступлений. Правовед В.В. Макаров рассматривает криминальную субкультуру в качестве внутреннего источника воспроизводства преступности, приводящего к ее самодетерминации [17]. По мнению С.Я. Лебе-

² Апелляционное постановление Пермского краевого суда от 10 февраля 2015 г. № 22-710 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Апелляционное постановление Приморского краевого суда от 14 октября 2015 г. по делу № 22-6249/15 // СПС «КонсультантПлюс».

дева, основой субкультуры становятся традиции и обычаи, на которых строятся закономерности поведения, причем как правомерного, так и противоправного [18, с. 20].

Профессор И.В. Лысак понимает криминальную культуру как особую духовную область сообщества людей. Она содержит криминальную идеологию, определенные этические нормы и ценности, криминальную нравственность, мифологию, вкусы, предпочтения, которые определяют повседневную жизнь и быт правонарушителей и их сообществ [19, с. 54].

Криминальная культура затрагивает практически все сферы жизни преступника. Было бы ошибочным считать единственным критерием какой-либо фактор в формировании личности преступника, поскольку все структурные элементы криминальной культуры взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Именно названные структурные элементы криминальной культуры являются непосредственным механизмом криминализации личности. Каждый из перечисленных ценностных атрибутов и поведенческих результатов выполняет определенные, присущие только ему функции.

Как отмечает профессор О.В. Старков, криминальная культура выступает в роли связующего звена, проводника предпреступного и преступного поведения, что выражается в следующем:

- лица, прошедшие через уголовный процесс в качестве подозреваемых, обвиняемых, потерпевших, свидетелей, освобожденные и осужденные, после того как оказываются в прежней среде, привносят в нее обычаи и традиции криминального мира;

- лица молодого возраста, находящиеся в криминогенной ситуации безнадзорности или живущие в неблагополучных семьях, большей частью испытывают на себе воздействие ранее судимых лиц через приобщение к «романтике» уголовной жизни, вовлечение в различные формы предпреступного, девиантного и преступного поведения;

- лица из благополучных семей приобщаются к криминальной культуре через СМИ, демонстрацию фильмов о жизни осужденных, криминальных авторитетов, «новых воров» в законе, а ныне удачных коммерсантов, политических деятелей [3, с. 20–21].

Для реализации и поддержки своих социальных ценностей, наказания виновных в преступной среде вырабатываются криминальные

нормы поведения. Их основная функция — регулирование взаимоотношений и поведения представителей криминального сообщества. Криминальная культура упорядочивает взаимоотношения и поведение представителей криминального сообщества, тем самым выполняя регулятивную функцию.

Исследователи утверждают, что, во-первых, такие нормы являются важнейшим элементом криминальной культуры: они устанавливают социальный статус ее субъектов, определяют их отношение к правовым учреждениям, деятельности правоохранительных органов, к администрации исправительных учреждений и т.п.

Во-вторых, криминальные нормы определяют поведение в местах лишения свободы и в быту, отношение к труду, порядок разрешения межличностных конфликтов. К примеру, О.А. Грязнова поднимает проблему коммуникации в рецензии на книгу Д. Гамбетты о механизмах построения преступной коммуникации и подаваемых преступниками условных сигналах [20].

В-третьих, криминальная культура разрабатывает и поддерживает ритуалы приема новых членов. Применяется система санкций по отношению к допускающим их нарушение лицам — от простого порицания за незначительные отступления от предписаний, понижения статуса до физического воздействия и даже лишения жизни. Поэтому мотивом соблюдения криминальных норм становится не только внутреннее убеждение, но и страх быть наказанным криминальными авторитетами.

В конечном итоге можно прийти к выводу, что сформированные в рамках тюремной культуры нормы и ценности противостоят принятым в обществе и при этом имеют тенденцию к выходу за рамки учреждений уголовно-исполнительной системы и распространению в более широком социокультурном пространстве.

Многие исследователи предполагают, что криминальная культура — явление аморфное. И.М. Мацкевич утверждает: попытки систематизировать криминальную культуру и на этой основе выработать универсальные методы противодействия ей и борьбы с ней представляются бесперспективными. Естественно, бороться с ее формами возможно. При этом нужно помнить, что любое негативное явление полностью никогда не исчезает [16, с. 19].

Ученые Ю. Зубок, А. Михайлов, В. Пирожков устойчивость, жизнеспособность феномена криминальной культуры объясняют нерешенностью

задач обеспечения справедливого социального устройства в ходе проводимых реформ [21].

Респонденты ответили на вопрос, что, по их мнению, в большей мере является источником усиления криминализации общественных отношений: организованная преступность и коррупция (28,2 %); снижение уровня правосознания населения и доверия правоохранительным органам (24,0 %); экономическая и политическая нестабильность общества (22,5 %); межнациональные конфликты (11,2 %); распространение атрибутов криминальной культуры (10,0 %); стратификация современного российского общества (4,1 %).

Специалисты отмечают три группы факторов криминализации культуры в российском обществе:

- тотальная маргинализация российского общества (проституция, безнадзорность, наркомания, алкоголизм);

- отсутствие «российской мечты», которая не была бы в конфликте с законом;

- популяризация криминальной культуры средствами массовой информации.

В связи с этим выделяют три комплекса мероприятий, проводимых в масштабе страны в целях нейтрализации криминогенности криминальной культуры. Мероприятия первого комплекса направлены на «оздоровление» российского общества, второго — на формирование новой идеологии, третьего — на борьбу с популяризацией криминальной культуры в СМИ. В.В. Тулегенов предлагает организовать орган государственной власти для контроля выпускаемой СМИ продукции, обладающий правом запрета ее тиражирования в случае пропаганды криминальных ценностей [22, с. 224].

В процессе изучения криминальной культуры необходимо обратиться к положениям Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года. Этот документ определяет воспитание осужденных как одно из приоритетных направлений уголовно-исполнительной политики. При этом решаются следующие задачи: во-первых, социализация осужденных, изменение идеологии применения основных средств их исправления с усилением психолого-педагогической работы с личностью и подготовки ее к жизни в обществе; во-вторых, разработка форм проведения воспитательной работы, организации образовательного процесса и трудовой занятости осужденных в новых условиях отбывания наказания.

Поскольку носителями криминальной культуры являются в первую очередь криминальные группы и бывшие осужденные, то положения Концепции касаются именно этих категорий лиц. Так, документ предполагает социальную, психологическую, воспитательную и образовательную работу с осужденными:

- создать эффективную систему мотивов осужденных лиц к законопослушному поведению;

- усилить воспитательную работу в отношении осужденных, которые способны к социализации, с особым упором на вовлечение их в трудовую деятельность, приобретение ими профессии или их переквалификацию;

- оптимизировать социальную, психологическую и воспитательную работу с осужденными на основе функционального взаимодействия сотрудников исправительных учреждений;

- внедрять новые индивидуальные формы работы, которые обеспечивали бы оказание социальной, психологической и педагогической помощи каждому осужденному;

- совершенствовать патриотическое и духовно-нравственное воспитание осужденных, планирование, организацию и проведение в исправительных учреждениях воспитательных мероприятий, направленных на формирование и развитие у осужденных стремления к общественно полезной деятельности, соблюдению требований законов и принятых в обществе правил поведения;

- сотрудничать со структурами гражданского общества, общественными объединениями, деятельность которых может быть полезна для гуманитарно-воспитательного воздействия на осужденных;

- разнообразить формы организации культурного досуга осужденных, более широко привлекать к работе деятелей искусства, культуры и спорта, обеспечить пополнение библиотечных фондов;

- разработать новые подходы к формированию самодеятельных организаций осужденных с учетом интересов и потребностей в них самих осужденных;

- закрепить в законодательстве Российской Федерации все усовершенствованные работы в качестве средств исправления осужденных;

- определить основные формы социальной работы с осужденными, разработать нормативы штатной численности социальных работников, привести их численность в испра-

вительных учреждениях в соответствие с требованиями практики и научно обоснованными нормативами;

- внедрить современные технологии социальной помощи, защиты и поддержки в отношении наиболее социально уязвимых категорий осужденных;

- в дальнейшем развивать благоприятные условия для получения осужденными основного или среднего общего образования, среднего профессионального образования и высшего образования по заочной форме обучения в рамках реализации образовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий;

- разработать специальные методики обучения, которые учитывали бы уровень умственного развития и педагогической запущенности осужденных, а также образовательные и коррекционные программы работы с различными категориями осужденных⁴.

По мнению ученого В.М. Анисимкова, нейтрализация атрибутивных и регулятивных элементов криминальной культуры в пенитенциарных учреждениях должна осуществляться посредством расширения общеобразовательного обучения, а также установления постоянных связей лишенных свободы с общественными, религиозными и иными организациями. В.М. Анисимков также утверждает, что, например, преодолеть культ татуирования в исправительной системе возможно лишь на основе устранения причин его распространения [12].

В.М. Анисимковым были рассмотрены основные направления противодействия криминальной культуре в местах лишения свободы:

- ограничение применения наказания в виде лишения свободы. Данная мера предполагает возможность исключить вхождение осужденных в орбиту криминальных отношений;

- создание правового поля, которое включало бы в себя позитивные ценностные ориентации лиц, лишенных свободы.

Правовед В.В. Тулегенов также считает, что нейтрализация неформальных норм включает в себя воспитательные мероприятия, к числу которых он относит:

- вежливое обращение с осужденными;
- создание комиссий по этике;

- проведение анонимных социологических опросов осужденных;

- привлечение к воспитательным мероприятиям представителей религиозных конфессий [22, с. 226].

Далее В.В. Тулегенов утверждает: «Осужденные, отбывающие наказание в обычных условиях, признанные злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания, должны переводиться в строгие условия отбывания наказания и содержаться отдельно».

Нормы и ценности криминальной культуры представляют собой мощный регулятор индивидуального поведения. Без преувеличения можно сказать, что криминальная культура является основным и самостоятельным механизмом криминализации личности.

Жак Эллюль, анализируя роль молодежи в государстве, критикует тезис об ее революционном самосознании и приходит к выводу об отрицании молодежью самой себя [23]. Рассуждая о сложностях ее адаптации в современном обществе, Ж. Эллюль рассматривает симптомы неадаптированности и характеризует ситуацию как безысходную. Этот вывод подтверждается современной тенденцией, заключающейся в том, что подросткам и молодым людям трудно реализовать свой потенциал в силу все большей непривлекательности их на рынке труда для работодателей. Отсюда — стремление уйти в ирреальность и, как следствие, нередко рекрутирование в преступную среду. Майкл Брейк, исследуя молодежную субкультуру, ее социальную организацию, рассуждает о проблеме поколений — месте субкультурных групп в социальной реальности [24].

Профессор Ю.К. Александров пишет: «Молодежная среда сама по себе уязвима и подвержена воздействию криминальной культуры. Как раз на этом и строится идеологическая работа членов преступного мира, поскольку неформальные объединения типичны для молодежи. Усвоение методов и принципов образа деятельности преступного мира требует соответствующей микросреды для обучения будущего преступника» [25, с. 37].

Поиск путей нейтрализации отрицательного влияния уголовных нравов, традиций и обычаев представляет собой важнейшее направление теоретической и практической деятельности. Естественно, это не может не влиять на эффективность борьбы с преступлениями и иными правонарушениями в стране и на организацию

⁴ Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года : утв. распоряжением Правительства РФ от 14 окт. 2010 г. № 1772-р // СПС «КонсультантПлюс».

воспитательного процесса как в исправительных учреждениях, так и вне поля их деятельности.

Для решения этой проблемы нужно начинать с воспитания новой личности в соответствии с лучшими национальными традициями и обычаями.

Профессор В.Г. Громов считает, что нейтрализация криминогенного влияния мест лишения свободы на общество и государство складывается из двух основных составляющих — общесоциального и специального блоков направлений [26]. В общесоциальный блок включаются такие направления, как социально-экономическое, идеологическое, информационное, антикриминальное, образовательно-правовое, политическое, организационное. Специальный блок содержит такие элементы, как нейтрализация пенитенциарной субкультуры, снижение уровня изоляции осужденных в местах лишения свободы, дифференциация микросоциальной среды в исправительных учреждениях, уменьшение негативного влияния фактора скопления на небольшой по площади территории большого количества осужденных, предупреждение преступности осужденных в местах лишения свободы, обеспечение занятости осужденных, постпенитенциарная профилактика. При этом необходимо отметить решающую роль государства, а также гражданского общества в вопросах нейтрализации криминогенности мест лишения свободы.

Правовед В.В. Тулегенов предлагает разделить мероприятия по противодействию криминальной субкультуре на три группы: общие, специальные, индивидуальные [10]. К мероприятиям первой группы относится устранение причин и условий существования криминальной субкультуры, второй — повышение эффективности работы администрации пенитенциарных учреждений по нейтрализации тюремной субкультуры, третьей — устранение негативного влияния тюремной субкультуры и предупреждение правонарушений.

Наиболее приоритетными для предупреждения воспроизводства криминальной субкультуры, по мнению Д.Г. Донских, являются *духовно-нравственные меры*, способствующие оздоровлению правосознания граждан [15].

Экономические меры призваны разрушить экономическую базу распространения криминальной субкультуры.

Социальные меры позволят решить социальные проблемы российского общества, защи-

тить его от неблагоприятных последствий мирового финансового кризиса, сократить разрыв в доходах между разными слоями населения, приблизить возможности граждан к удовлетворению их потребностей законными способами.

Политические меры поспособствуют укреплению государственности, поскольку только сильное государство может эффективно бороться с различными явлениями, дезорганизующими общество (в том числе с криминальной субкультурой).

Как отмечает В.В. Тулегенов, меры противодействия, в частности, тюремной субкультуре носят не только специальный, но и индивидуальный характер:

- необходимо конкретнее формулировать исправление осужденных как цель наказания, выработать комплексную программу переходного периода с учетом основных проблем уголовно-исполнительной системы;

- следует изменить систему оценки работы учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы;

- надлежит устранить недостатки в комплектовании кадрами органов уголовно-исполнительной системы;

- целесообразно сформировать правильное представление о тюремной субкультуре, в первую очередь у практических работников [10].

Представляется важным в противодействии криминальной культуре обратить внимание на ее, условно говоря, механизмы отрицательного влияния на правосознание и правовую культуру. В процессе любого исходного воздействия реализуются определенные методы и средства. Криминальная культура не исключение. Если подвергнуть анализу данное явление, то можно выделить ее главные «составляющие» — способы и средства. Что касается способов, то они поддаются классификации: 1) рациональные, т.е. продуманные целесообразные способы, приемы передачи информации; 2) иррациональные, т.е. приемы, с помощью которых осуществляется воздействие на эмоции, чувства. При этом используются различные средства, в том числе элементы самой криминальной культуры: 1) речевые, реализуемые в устной и письменной речи (тюремные истории, блатные песни, условный язык татуировок и т.п.); 2) неречевые, или вещественные (различные поделки, носимая обувь, одежда и т.п.). Знание этих и подобных им механизмов воздействия необходимо для разработки аналогичных механизмов противодействия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иншаков С.М. Латентная преступность в Российской Федерации: перспективы исследования [Электронный ресурс] / С.М. Иншаков. — Режим доступа : [http://sartracc.ru/i.php?filename=Pub/inshakov\(10-04-10\).htm&oper=read_file](http://sartracc.ru/i.php?filename=Pub/inshakov(10-04-10).htm&oper=read_file).
2. Олейник А.Н. Тюремная субкультура: от повседневной жизни до государственной власти / А.Н. Олейник. — М. : Инфра-М, 2001. — 418 с.
3. Старков О.В. Криминальная субкультура: спецкурс / О.В. Старков. — М. : Волтерс Клувер, 2010. — 240 с.
4. Ханипов Р.А. Укорененность тюремных и криминальных практик в культуре современного российского общества / Р.А. Ханипов // Мир России. — 2008. — № 3. — С. 132–148.
5. Sellin T. *Culture Conflict and Crime* / T. Sellin. — N.Y. : Social Science Research Council, 1938.
6. Cohen A. *Delinquent Boys: The Culture of the Gang Glencoe* / A. Cohen. — N.Y., 1955. — 202 p.
7. Mathiesen T. *The Defences of the Weak: a Study of Norwegian Correctional Institution* / T. Mathiesen. — L. : Tavistock Publ., 1965. — 272 p.
8. Минкина Н.И. Криминологический анализ культуры современного общества : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Н.И. Минкина. — Иркутск, 2003. — 25 с.
9. Корецкий Д.А. Криминальная субкультура и ее криминологическое значение / Д.А. Корецкий, В.В. Тулегенов. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2006. — 243 с.
10. Тулегенов В.В. Криминальная субкультура и ее криминологическое значение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / В.В. Тулегенов. — Ростов н/Д, 2003. — 31 с.
11. Пирожков В.Ф. Законы преступного мира молодежи (криминальная субкультура) / В.Ф. Пирожков. — Тверь : ИПП «Приз», 1994. — С. 223 с.
12. Анисимков В.М. Криминальная субкультура и ее нейтрализация в исправительных учреждениях России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / В.М. Анисимков. — М. ; Саратов, 1998. — 45 с.
13. Блохин Ю.И. Организационно-правовые меры нейтрализации негативного влияния групп осужденных отрицательной направленности в тюрьмах : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Ю.И. Блохин. — Ростов н/Д, 1999. — 26 с.
14. Библик О.Н. Культурологический подход в криминологии / О.Н. Библик // Вестник Омского университета. Сер. : Право. — 2010. — № 3 (24). — С. 179–190.
15. Донских Д.Г. Противостояние криминальной субкультуре в обществе (криминологические проблемы) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Д.Г. Донских. — М., 2010. — 35 с.
16. Мацкевич И.М. Мифы преступного мира / И.М. Мацкевич. — М. : Проспект, 2012. — 368 с.
17. Макаров В.В. Криминальная субкультура как внутренний источник воспроизводства преступности / В.В. Макаров // Российский следователь. — 2014. — № 4. — С. 40–42.
18. Лебедев С.Я. Традиции, обычаи и преступность. Теория, методология, опыт криминологического анализа / С.Я. Лебедев. — М. : Межрегион. центр коммерч. безопасности, 1995. — 189 с.
19. Лысак И.В. Тюремная субкультура в России / И.В. Лысак, Ю.Ю. Черкасова. — Таганрог : Изд-во Таганрог. гос. радиотехн. ун-та, 2006. — 112 с.
20. Грязнова О.А. Доверие и неопределенность: как возможна успешная коммуникация? / О.А. Грязнова // Экономическая социология. — 2015. — Т. 16, № 2. — С. 80–89. — Рец. на кн. : Коды криминального мира: Как общаются между собой преступники = Codes of the underworld: How criminals communicate / Д. Гамбетта. — Чебоксары : Перфектум, 2011. — 347 с.
21. Федосеева А.А. Криминальная субкультура как агент социализации молодежи : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.06 / А.А. Федосеева. — Майкоп, 2012. — 24 с.
22. Тулегенов В.В. Криминальная культура: понятие, структура и соотношение со смежными понятиями / В.В. Тулегенов // Вестник Астраханского государственного технического университета. — 2005. — № 5 (28). — С. 220–226.
23. Ellul J. *De la revolution aux revokes* / J. Ellul. — P., 1972. — 374 p.
24. Brake M. *Comparative Youth Culture* / M. Brake. — L., 1985. — 228 p.
25. Александров Ю.К. Очерки криминальной субкультуры / Ю.К. Александров. — М. : Права человека, 2009. — 152 с.
26. Громов В.Г. Криминогенность мест лишения свободы и ее нейтрализация : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / В.Г. Громов. — Тамбов, 2009. — 50 с.

REFERENCES

1. Inshakov S.M. *Latentnaya prestupnost' v Rossiiskoi Federatsii: perspektivy issledovaniya* [Latent crime in the Russian Federation: research prospects]. Available at: [http://sartracc.ru/i.php?filename=Pub/inshakov\(10-04-10\).htm&oper=read_file](http://sartracc.ru/i.php?filename=Pub/inshakov(10-04-10).htm&oper=read_file). (In Russian).
2. Oleinik A.N. *Tyuremnaya subkul'tura: ot povsednevnoi zhizni do gosudarstvennoi vlasti* [Prison Subculture: from Everyday Life to State Power]. Moscow, Infra-M Publ., 2001. 418 p.
3. Starkov O.V. *Kriminal'naya subkul'tura* [Criminal Subculture]. Moscow, Volters Kluver Publ., 2010. 240 p.
4. Khanipov R.A. The prison and criminal practices ingrained in the culture of contemporary Russian society. *Mir Rossii = The Universe of Russia*, 2008, no. 3, pp. 132–148. (In Russian).
5. Sellin T. *Culture Conflict and Crime*. New York, Social Science Research Council, 1938.
6. Cohen A. *Delinquent Boys: The Culture of the Gang Glencoe*. New York, 1955. 202 p.
7. Mathiesen T. *The Defenses of the Weak: a Study of Norwegian Correctional Institution*. London, Tavistock Publ., 1965. 272 p.
8. Minkina N.I. *Kriminologicheskii analiz kul'tury sovremennogo obshchestva. Avtoref. Kand. Diss.* [Criminological analysis of modern society's culture. Cand. Diss. Thesis]. Irkutsk, 2003. 25 p.
9. Koretskii D.A., Tulegenov V.V. *Kriminal'naya subkul'tura i ee kriminologicheskoe znachenie* [Criminal Subculture and its Criminological Significance]. Saint Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2006. 243 p.

10. Tulegenov V.V. *Kriminal'naya subkul'tura i ee kriminologicheskoe znachenie. Avtoref. Kand. Diss.* [Criminal subculture and its criminological significance. Cand. Diss. Thesis]. Rostov-on-Don, 2003. 31 p.
11. Pirozhkov V.F. *Zakony prestupnogo mira molodezhi (kriminal'naya subkul'tura)* [Laws of the Criminal World of the Youth (Criminal Subculture)]. Tver, IPP «Priz» Publ., 1994. 323 p.
12. Anisimov V.M. *Kriminal'naya subkul'tura i ee neitralizatsiya v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh Rossii. Avtoref. Dokt. Diss.* [Counteraction to criminal subculture in the society (criminological issues). Cand. Diss. Thesis]. Moscow, Saratov, 1998. 45 p.
13. Blokhin Yu.I. *Organizatsionno-pravovye меры neitralizatsii negativnogo vliyaniya grupp osuzhdennykh otritsatel'noi napravlenosti v tyur'makh. Avtoref. Kand. Diss.* [Organizational and legal measures of neutralizing the negative impact of groups of negative-minded convicts in prisons. Cand. Diss. Thesis]. Rostov-on-Don, 1999. 26 p.
14. Bibik O.N. The culturological approach in criminology. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo = Herald of Omsk University. Series: Law*, 2010, no. 3 (24), pp. 179–190. (In Russian).
15. Donskikh D.G. *Protivodeistvie kriminal'noi subkul'ture v obshchestve (kriminologicheskie problemy). Avtoref. Kand. Diss.* [Counteraction to criminal subculture in the society (criminological issues). Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2010. 35 p.
16. Matskevich I.M. *Mify prestupnogo mira* [Myths of the Criminal World]. Moscow, Prospekt Publ., 2012. 368 p.
17. Makarov V.V. Crime subculture as an internal source of reproduction crime. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2014, no. 4, pp. 40–42. (In Russian).
18. Lebedev S.Ya. *Traditsii, obychai i prestupnost'. Teoriya, metodologiya, opyt kriminologicheskogo analiza* [Traditions, customs and criminality. Theory, methodology, criminological analysis experience]. Moscow, Interregional Center of Commercial Security Publ., 1995. 189 p.
19. Lysak I.V., Cherkasova Yu.Yu. *Tyuremnaya subkul'tura v Rossii* [Prison Subculture in Russia]. Taganrog State Radiotechnical University Publ., 2006. 112 p.
20. Gryaznova O.A. Trust and Uncertainty: How to Communicate Successfully? Book Review. *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*, 2015, vol. 16, no. 2, pp. 80–89. (In Russian).
21. Fedoseeva A.A. *Kriminal'naya subkul'tura kak agent sotsializatsii molodezhi. Avtoref. Kand. Diss.* [Criminal Subculture as an Agent of Youth Socialization. Cand. Diss. Thesis]. Maikop, 2012. 24 p.
22. Tulegenov V.V. Criminal culture: concept, structure and correlation with related concepts. *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta = Vestnik of Astrakhan State Technical University*, 2005, no. 5 (28), pp. 220–226. (In Russian).
23. Ellul J. *De la revolution aux revokes*. Paris, 1972. 374 p.
24. Brake M. *Comparative Youth Culture*. London, 1985. 228 p.
25. Aleksandrov Yu.K. *Ocherki kriminal'noi subkul'tury* [Reviews of criminal subculture]. Moscow, Prava cheloveka Publ., 2009. 152 p.
26. Gromov V.G. *Kriminogenost' mest lisheniya svobody i ee neitralizatsiya. Avtoref. Dokt. Diss.* [Criminogenic character of places of imprisonment and its neutralization. Doct. Diss. Thesis]. Tambov, 2009. 50 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Иванова Анна Александровна — доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат юридических наук, г. Нижний Новгород, Российская Федерация; e-mail: ivanova-anna2004@yandex.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ivanova, Anna A. — Ass. Professor, Chair of Civil Law and Process, National Research University «Higher School of Economics», Ph.D. in Law, Nizhny Novgorod, the Russian Federation; e-mail: ivanova-anna2004@yandex.ru.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Иванова А.А. Криминальная культура как детерминант преступности / А.А. Иванова // Всероссийский криминологический журнал. — 2016. — Т. 10, № 4. — С. 671–681. — DOI: 10.17150/2500-4255.2016.10(4).671-681.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Ivanova A.A. Criminal culture as a determinant of crime. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2016, vol. 10, no. 4, pp. 671–681. DOI: 10.17150/2500-4255.2016.10(4).671-681. (In Russian).